

Мартин Сутер
Альмен и стрекозы

Серия «Приключения очаровательного негодяя», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706406

Сутер М. Приключения очаровательного негодяя : Альмен и стрекозы : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70801-7

Аннотация

Когда-то Альмен был сказочно богат. Но, увы, страсть к красивой жизни и красивым женщинам не позволила сохранить и приумножить семейное богатство. Мало-помалу отцовские миллионы были пущены на ветер, имение продано. Но отсутствие денег – отнюдь не повод, чтобы разлюбить роскошь.

Плейбой и обаятельный авантюрист, Альмен всегда найдет выход из положения. Главное – не упустить момент, когда удача идет к тебе в руки.

Обнаружив в доме случайной любовницы коллекцию ваз со стрекозами, каждая из которых стоила целое состояние, Альмен решил, что будет справедливо, если эти вазы станут принадлежать тому, кому они нужнее, то есть ему.

Знай он, какие тайны связаны с этими стрекозами, он бы, конечно, отказался от своего плана. Или – наоборот, с еще большим азартом принял вызов...

Содержание

Первая часть	5
1	5
2	6
3	8
4	10
5	11
6	13
7	16
8	18
9	20
10	22
13	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мартин Сутер

Приключения очаровательного негодяя: Альмен и стрекозы

Посвящается Тони

Martin Suter

Allmen und die Libellen

Copyright © 2012 by Diogenes Verlag AG Zürich. All rights reserved

© Набатникова Т., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Первая часть

1

Сумеречный свет уплощал все предметы и делал их безжизненными. Начинался тихий рассветный час.

В стеклянной библиотеке Альмена было холодно. Может, стоило бы развести огонь в печи? Но его предыдущая попытка прошлой зимой закончилась настолько плачевно, что он к этому больше не возвращался. Альмен, не читая, сидел в своем кресле для чтения и мерз. Ну и пусть.

Ножки рояля оставили в полу три глубоких отпечатка. Но даже этот вид ничего в нем не вызвал. Ничего, кроме парализующего безразличия.

Альмен не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он видел Карлоса, идущего к дому в пальто и шерстяной шапке. Потом он слышал, как тот торопливо поднимался по лестнице в свою мансарду и вскоре после этого снова спустился вниз. К нему Карлос не заглянул. Наверное, не увидев света, Карлос решил, что Альмен сейчас в Венском кафе. Как и каждое утро в это время.

Теперь Альмен видел, что Карлос работает в саду. На нем была его рабочая одежда и другая, более старая шерстяная шапочка и толстая утепленная рабочая куртка.

Альмен так и сидел бы здесь, не двигаясь, и ждал бы, пока Карлос не придет и не сварит обед. Он пошел бы к нему на кухню и сказал:

– Карлос?

И Карлос ответил бы:

– Qué manda? Что вам угодно?

И тогда бы он ему сказал:

– Настало время, мне нужны стрекозы.

И если бы Карлос их выдал, Альмен действовал бы точно по плану. А если нет? Тоже неважно.

Должно быть, он задремал, но потом услышал звуки из кухни. Стало еще темнее. В любую минуту мог пойти снег.

Альмен, опершись руками о подлокотники, поднялся из кресла. Когда он проходил мимо задней стеклянной стены оранжереи, обращенной к густым зарослям, ему почудилось там какое-то движение.

Парковые деревья стояли там густо, не пропуская свет. Стволы высоких елей и сосен возвышались над почти непроходимыми зарослями тиса и папоротника. Альмен иногда видел выбежавшую или уносящую ноги прочь городскую лису, искавшую что-нибудь съестное в садах и на площадках квартала вилл.

Он встал перед стеклянной стеной и пристально взгляделся в чашу.

Сильный удар в грудь сбил его с ног. В падении он услышал глухой стук и ощутил боль в затылке.

2

Утром в половине одиннадцатого в Венском кафе был приятный час, может быть, самый приятный за весь день. Все застоявшееся улетучилось за прошедшую ночь, а затхлость нового дня еще не накопилась. Пахло шипящим кофе «Лавацца», у кофейной машины Джанфранко как раз вспенивал молоко для капучино, на стойке и на столах благоухали круассаны, и в воздухе тянулись шлейфы духов и туалетной воды бездельников и фланеров, которым в это время Венское кафе принадлежало безраздельно.

Один из них читал книгу. Английскую, в мягкой обложке, которую он перегнул пополам, чтобы можно было держать ее одной рукой, а вторую оставить себе для позднего завтрака и холодного мундштука для сигарет, с которым он вот уже несколько лет отвыкал от курения.

Через спинку двухместного кресла с плюшевой обивкой был перекинут его плащ. На нем был костюм мышино-серого цвета, сидящий вполне приемлемо даже в такой глубоко погруженной позе, узкий галстук с мелким узором и рубашка цвета яичной скорлупы с мягким маленьким воротничком. Ему было чуть больше сорока. Его ладно слепленное лицо заслуживало себе менее приплюснутого носа.

На столике, накрытом белой скатертью, стояли тарелка из тяжелого фарфора с крошками от круассана и почти пустая чашка с прилипшей к внутренним стенкам молочной пеной. Мужчина был одним из последних посетителей Венского кафе, кто, заказывая, просил «чашку», как некогда называли кофе с молоком.

Джанфранко принес к его столику свежую чашку, а выпитую поставил на освободившееся место своего овального хромированного подноса.

– Синьор граф, – пробормотал он.

– *Grazie*, – ответил Альмен, не поднимая глаз.

Полностью его фамилия была фон Альмен и звучала с ударением на «фон» – как Фонеш, Фонлантен или фон Аркс. Это была очень распространенная фамилия с тысячами семьями тридцатью восемью упоминаниями в телефонном справочнике и изначально не имела никакого другого значения, кроме того, что ее носитель был родом из Альп. Но еще в молодые годы фон Альмен в республиканском жесте отказался от «фон» и тем самым придал своей фамилии значение, которым она никогда не обладала.

С двумя своими именами – Ханс и Фриц, – которые он по семейной традиции унаследовал от двух своих дедов, он обошелся противоположным образом. Он лишил их баварского привкуса, еще смолоду взяв на себя бюрократические хлопоты и официально облагородив их и возвысив до Йоханна и Фридриха. Друзьям он позволял называть себя Джоном, посторонним он представлялся коротко и скромно как Альмен. Но в официальных документах он назывался Йоханн Фридрих фон Альмен. А конверты с письмами, которые он, придя на поздний завтрак, забирал из своей почтовой ячейки в Венском и небрежно бросал рядом с кофейной чашкой, были адресованы господину Йоханну Фридриху ф. Альмен, так значилось на шапке его писем. Этот способ написания не только экономил место, но и автоматически смещал ударение с «о» в предлоге «фон» на «А» в фамилии «Альмен». Нравился ему и лишь наполовину шуточный почетный титул «граф», которым его снабдил Джанфранко.

Большинство последестячасовых посетителей Венского знали друг друга. Несмотря на это, там строго придерживались неписаного порядка рассадки. Кто-то всегда сидел один за своим столиком, обложив его со всех сторон всевозможными пальто, сумками, папками и чтивом, чтобы никому не пришло в голову к нему подсесть. Кто-то вдвоем с одним и тем же партнером, а кто-то за общим столом завсегдатаев в неизменном составе с неизменным рас-

пределением стульев. Некоторые из последесятичасовых посетителей обстоятельно приветствовали друг друга, некоторые молча кивали, некоторые игнорировали ритуал уже годами.

Одна из завсегдатайских компаний располагалась через два стола от Альмена. Четверо владельцев магазинов, все в возрасте около шестидесяти, встречались там ежедневно, кроме воскресенья, на полчаса – с 10:15 до 10:45. Время их присутствия пересекалось с временем Альмена на четверть часа.

Одного из четверых Альмен знал несколько ближе. У того неподалеку был дорогой антикварный магазин. Звали его Джек Таннер. Элегантный мужчина под шестьдесят, который расхаживал среди своего антиквариата так, будто товар был предназначен не для продажи, а единственно для утоления его эстетических потребностей. Одним своим видом он оправдывал слишком высокие цены своего ассортимента. Он обладал неременным для своей профессии умением хранить тайну, это умение действовало как в отношении его покупателей, так и в отношении его поставщиков. Именно это и подвигло Альмена в свое время сделать выбор в его пользу, когда ему пришлось расставаться с некоторыми ценными предметами из своей коллекции. Никогда во время своих мимолетных встреч в Венском ни тот, ни другой ни малейшим намеком не давал заметить, что у них бывают и деловые соприкосновения.

За окном, у которого стоял столик Альмена, прохожие начали раскрывать свои зонты. Серый суп, повисший над крышами, теперь принялся опрыскивать город холодной мокрой пылью. Альмен передумал уходить и заказал себе еще одну чашку.

Было уже половина двенадцатого, когда он начал собираться, хотя погода не стала лучше. Он подал Джанфранко знак, чтоб тот принес счет, подписал его и сунул в ладонь кельнеру десятку. Альмен хорошо выучил, что те небольшие деньги, которыми он еще располагал, лучше инвестировать в свою кредитоспособность, чем в свое пропитание.

Джанфранко подал ему пальто и проводил к выходу. Задумчиво глядя вслед удаляющейся фигуре, которая с высоко поднятым воротником пальто исчезала среди зонтов, он уважительно пробормотал:

– *Un cavaliere.*

3

Поезд Интерсити с системой выравнивания центростремительных сил ехал вдоль утопающих в тумане виноградников озера Нойенбургер, у которого не видно было даже берегов. Альмен взял отдельное купе. На синем сиденье рядом с ним стоял объемистый кейс из коричневой свиной кожи с инструментами. Он продолжал читать свой детектив.

Когда нежный микрофонный голос объявил Ивердон-ле-Бен, он прервал свое чтение. Это название пробудило в нем юношеские воспоминания. В начале восьмидесятых Альмен часто слышал его в разговорах за столом. Отец Альмена когда-то инвестировал в этой местности много денег в землю, которая, как он надеялся, в связи с открытием участка автобана А5 будет переведена из сельскохозяйственной категории в землю для строительства. Дело не выгорело, и отец приписывал это не своему недостаточному знанию французского языка, а «швейцарско-французскому волокитству» местных ивердонских политиков.

Это осталось одной из немногих коммерческих неудач отца. Тот оставил сыну состояние в несколько миллионов. Фундамент этого состояния он заложил одним-единственным переводом земли в другую категорию, к которому он, как это называлось тогда в деревне, не был непричастным. Шварцаккер, средоточие его сельскохозяйственного предприятия, был переведен в землю для застройки и вскоре – благодаря открытию участка автобана – внезапно оказался частью города. Что во много раз повысило стоимость земельного участка. Отец Альмена вошел во вкус и начал систематически инвестировать в сельскохозяйственную землю потенциальных экономических зон. Расчет довольно часто оправдывался, и после его ранней смерти – во что внесли свою долю регулярные щедрые «угощения» местных политиков, имеющих влияние на решения по переводу земель в другую категорию – его единственному сыну осталось столько денег, что тот мог бы больше никогда в жизни не думать о зарботке – при некоторой осмотрительности и осторожности в обращении с деньгами.

Но осмотрительность и осторожность относились к тем немногим дарованиям, которыми Фриц – как отец продолжал называть его и после того, как сын официально сменил имя, – совершенно не обладал. Он не был расчетливым человеком, его сильной стороной были языки. Он овладевал ими легко и охотно и многие годы посвятил их изучению в столицах мира. Наряду со швейцарским немецким, своим родным языком, он бегло и без акцента говорил по-французски, по-итальянски, по-английски, по-португальски и по-испански. Он мог объясниться по-русски и по-шведски и мог бы угостить собеседников безукоризненным сценическим немецким, если бы уже не знал по опыту, что его швейцарский акцент ценился гораздо выше.

И так он вел жизнь международного вольного студента до тех пор, пока душеприказчик его отца не сообщил ему о скоропостижной смерти родителя.

Курту Фрицу фон Альмену было всего 62 года, и он верил, что ему остается еще много времени для того, чтобы уладить дела со своим наследством. Вдовец не оставил завещания, и его тогдашняя спутница жизни осталась с пустыми руками; и хотя он имел представление о том, что его единственный наследник живет на широкую ногу, он не дал никаких распоряжений по использованию своего состояния.

При жизни он держал Фрица на длинном поводке. Сам он был ученый-агроном и не знал, сколько стоит образование и жизненный стиль международного студента. Тем более что он гордился своим учащимся сыном, а также тем, что может дать ему больше возможностей, чем имел когда-то сам. Отец Альмена мало путешествовал. Раньше, когда он был крестьянином, его держали на месте коровы, а позднее – бизнес. Он понятия не имел, сколько стоят отели в Париже и Нью-Йорке, сколько денег нужно в Лондоне на одежду и обувь и

как высока разница цен в билетах между эконом-классом и первым. Если отцу Альмена не хватало опыта в знании света, то у Альмена его оказалось в избытке.

Он снова обратился к книге. Тут как раз объявили остановку: станция Морж.

4

Альмен применил самый аффектированный из своих английских акцентов, когда объяснял хозяйке магазина, что хочет только посмотреть. Женщина – ей было лет около пятидесяти, и при его появлении она вышла из задней комнаты – тут же переключилась на английский. Она к его услугам, если у него будут вопросы.

Антикварный магазин был увешан полками и застекленными витринами. Магазин специализировался на фарфоре и располагал большим ассортиментом предметов, сгруппированных по ячейкам – начиная от доступных по ценам, через дорогой мейсенский фарфор и до ценных китайских ваз и фигурок.

Альмен не торопился. Ходил от объекта к объекту, задерживался у предметов, которые будили в нем особый интерес, наклонялся к ним и разглядывал со всем возможным вниманием, не притрагиваясь к ним руками.

Четырехугольную вазочку, подписанную «Период Канси, зеленая, 8300 франков», он умышленно обошел вниманием и сконцентрировался на четырех чайных чашках ярко-желтого цвета. Чашки и блюдца были окаймлены золотым кантом, и на каждой чашке красовалась эмблема пароходства Гамбург – Америка. Набор был оценен в сумму триста двадцать франков.

– Это я беру, – сказал он на высокомерном оксфордском английском хозяйке магазина, которая во все время его обхода не спускала с посетителя глаз, сопровождая его на некотором расстоянии. – Если можно, упакуйте мне его в подарочном варианте, пожалуйста. По одному предмету, если можно.

И тогда она сделала то, на что он и рассчитывал: унесла чашки – по две за один раз – к себе в заднюю комнату.

Пока она там орудовала с упаковочной бумагой и ножницами, он еще раз удостоверился, что камеры видеонаблюдения нигде нет, и, проходя мимо полки с вазочкой периода Канси, прихватил ее и на ходу погрузил в глубокий внутренний карман своего пальто.

Потом он встал в дверях задней комнаты и беседовал с хозяйкой магазина, пока она корпела над подарочной упаковкой.

– Это для жены, – пояснил он, – сегодня день нашей свадьбы. Надеюсь, мой самолет улетит в Лондон даже при таком тумане.

5

Когда на следующее утро Джек Таннер вошел в Венское, Альмен кивнул ему и потаенным жестом указал на свой кейс с инструментами, который стоял на соседнем стуле. Таннер в ответ так же сдержанно кивнул. Час спустя Альмен стоял перед его магазином.

Магазин находился посреди банковского квартала, в последнем еще не отреставрированном здании. Он был антикварным магазином задолго до того, как Таннер вступил во владение им, а это произошло без малого тридцать лет назад. Название *Находка* тоже сохранилось за ним от прежнего владельца. Не то чтобы оно так уж нравилось Таннеру, но старомодный шрифт из полированных латунных литер на темно-зеленом крашеном фоне его пленил.

В магазине было три окна-витрины из небьющегося стекла со старомодными датчиками, которые при попытке взлома должны были поднимать тревогу. А может, и не подняли бы, систему еще ни разу не пришлось испытать в деле.

К мерам предосторожности *Находки* относилось также то, что дверь в магазин всегда была заперта, и покупатели должны были звонить. Так Альмен и сделал.

К двери подошел сам Джек Таннер. С тех пор, как его многолетняя сотрудница, госпожа Фрайтаг, вышла на пенсию, он вел магазин один. У него почти не было случайных покупателей, и большинство клиентов предпочитали говорить напрямую с хозяином. Когда он уходил завтракать в Венское в своей обычной компании, то вешал на дверь табличку «Скоро вернусь».

Выставочное, оно же торговое, помещение было обрамлено встроенными витринами, смонтированными здесь изначально. Объекты в них освещались подвижными источниками света, которые перемещались по токопроводящей шине, закрепленной на потолке. В середине зала стоял ряд настольных витрин для ювелирных изделий, серебра и мелких предметов. Элегантное помещение было слегка запыленным, и в нем пахло мастикой, которой натирали скрипучий паркет.

Через раздвижную дверь можно было попасть в соседнюю просторную комнату, служившую наполовину выставочным залом для мебели, наполовину складом. А уже оттуда путь вел в маленький кабинет Таннера – ризницу, как он его называл. Туда Альмен за ним и проследовал.

В кабинете доминировал письменный стол в стиле «бидермайер» с мягким вертящимся стулом той же эпохи. Оба предмета во время Второй мировой войны стояли в кабинете генерала Гизана в его резиденции и потому не подлежали продаже, как утверждал Таннер. В распорядке посетителей в кабинете был лишь двухместный диван в стиле «Луи-Филипп».

Таннер не предложил гостю сесть. Он кивнул на письменный стол и сказал:

– Тогда давай глянем.

Деликатные деловые отношения между ними продолжались уже несколько лет. Вначале Альмен был хорошим покупателем – главным образом американского серебра и «ардеко». Позднее, когда финансовые трудности вынудили Альмена продавать, он из покупателя превратился в поставщика. Время от времени он приносил Таннеру предметы из своей коллекции. Тот, правда, был скуп, но недостаток щедрости возмещал избытком секретности.

С течением времени запас предметов, с которыми Альмен готов был расстаться, сократился настолько, что он начал рыскать по блошиным рынкам и провинциальным лавкам, охотясь за подходящими для продажи предметами. Но ценовая политика Джека настолько сокращала маржу Альмена, что ему пришлось искать другое решение. По случайности он нашел его в одном антикварном магазине в Эльзасе. Он купил маленькую статуэтку

Мадонны, и пока продавец был занят ее упаковкой, Альмен подумал: сейчас я мог бы незаметно украсть вот эту розенталевскую группу фигурок, если бы захотел. И он тут же захотел.

Со временем он усовершенствовал технику, умело отвлекая продавцов какой-нибудь покупкой, так что мог незаметно прихватить то, что ему понравилось. Его одежда, его поведение и тот факт, что он покупал какую-то вещь, вызывали доверие к нему, а в воспоминаниях не наводили на подозрение.

Насколько легко Альмен тратил свои деньги, настолько же строго он хранил свой маленький оборотный капитал, который служил для финансирования отвлекающих покупок и поездок по железной дороге. Поскольку эту деятельность он последовательно проводил только вдали от своего города.

Альмен развернул вазу и поставил ее на стол.

Джек Таннер взял ее в руки, оглядел и сказал:

– Две тысячи.

Цена, которую предлагал Таннер, всегда была окончательной. Редко когда Альмен набирался смелости возражать. Он знал, что не добьется этим ничего, кроме того, что Таннер пожмет плечами, и все.

Ему не оставалось ничего другого, как принимать цены Таннера, тот был его единственным приобретателем. Должно быть, Таннер понимал, что товары Альмена давно уже происходят не из его коллекции. Но он никогда не спрашивал об их происхождении. И еще ни разу Альмен не видел свои объекты в витринных выкладках магазина *Находка*.

Судя по всему, у Таннера имелись под рукой покупатели, которые были так же деликатны и не расспрашивали о происхождении предметов.

Альмен кивнул, взял деньги и распрощался до следующего раза.

6

Кованные железные ворота его дома были свежеокрашены. Блестящая чернота соседствовала с золотом, которым были покрыты пики штaketин. Ограда тянулась по обе стороны от воротных стояков вдоль живой изгороди из самшита. Альмен находил, что это выглядит несколько нуворишски, но все же смотрится лучше, чем ржавчина.

На правом стояке ворот были привинчены две латунные таблички – большая и маленькая. На большой значилось: «K, S, L & D – Доверительное управление», на меньшей – «Й.Ф.ф. А».

На левом стояке ворот был закреплен домофон – тоже из полированной латуни – с двумя кнопками. Верхняя была подписана «K, S, L & D», нижняя – «Й.Ф.ф. А».

Альмен нажал на нижнюю.

Через несколько секунд недоверчивый мужской голос спросил:

– Да?

– Это я, – ответил Альмен.

Запорное устройство зажужжало, открываясь, и Альмен ступил на выложенную плиткой дорожку, которая вела к резной дубовой двери виллы. Но на половине пути он свернул, скрывшись за тщательно отманикюренным кустом самшита.

Эта боковая дорожка огибала виллу и вела в глубину сада, обустроенного в виде парка. Ухоженный газон, тут и там пронизанный то морковными грядками, то темно-зелеными рододендронами и уже по-осеннему окрашенными азалиями. Все это торжественно охранялось старыми насаждениями – огромными елями, кедрами, платанами и магнолиями.

Там, в вечной тени парковых деревьев, стоял небольшой дом садовника, к западному фасаду которого примыкала оранжерея.

Дверь дома была открыта, в тесном вестибюле Альмена поджидал невысокий мужчина. У него были гладкие, тщательно разделенные пробормом иссиня-черные волосы и черты лица индейца-мая. Одет он был в белую кельнерскую куртку с белой рубашкой и черным галстуком и в черные брюки. Альмен приветствовал его по-испански:

– Hola, Carlos.

– Muy buenas tardes, Don John, – ответил Карлос, принял у него плащ, повесил его на плечики и направился с ним к двери под крутой деревянной лестницей, ведущей в мансарду. Порог этой двери находился на две ступени ниже пола вестибюля.

За дверью располагалось помещение, которое служило некогда прачечной для виллы и было соответственно просторным. Там и теперь стояли стиральная машина и сушилка и были натянуты несколько веревок для белья. Но большую часть помещения занимали сундуки и предметы мебели, громоздившиеся до потолка. Здесь Альмен хранил те вещи из своей прежней жизни, которые были ему либо слишком дороги, либо неликвидны.

На одну из бельевых веревок Карлос повесил плащ и вернулся в тесный вестибюль. Альмен стоял там перед консолью, над которой висело позолоченное гардеробное зеркало. На консоли лежало письмо, что было необычно, поскольку вся почта для него адресовалась в его почтовую ячейку в Венском. Он предпочитал, чтобы его кредиторы не знали, где он живет.

Альмен сунул конверт в карман. Прочитать письмо он собирался позже.

Из открытой двери кухни пахло обедом, который Карлос подогревал на слабом огне. Альмен знал этот запах: ностальгическая еда Карлоса. Черные бобы, фасоль *frijoles*. А к ним – *guacamole* – паста из авокадо, приправленная луком, чили, лимоном и свежим кореандром, жареные котлетки, *tortitas de carne*, и маисовые лепешки, *tortillas*.

Это не было любимой едой Альмена, но выражать недовольство он не мог. Слишком давно уже он не давал Карлосу денег на ведение хозяйства.

Они вошли в единственное помещение домика, хоть как-то отвечавшее запросам Альмена: в библиотеку. По площади она была вдвое просторнее дома садовника. Вдоль стен стояли массивные книжные полки, по которым – если присмотреться – было заметно, что когда-то они были встроенными. Помещение выглядело необычайно светлым как для этой погоды, так и для тенистого местоположения. Библиотека была из стекла и в прошлом представляла собой оранжерею имения.

Ее бетонный пол устилали ковры, тут имелась группа сидений «ар-деко», конторка, секретер со столешницей для письма, шведская печь с двумя удобными креслами из потертой кожи и передвижная библиотечная лесенка из красного дерева. Несколько торшеров обеспечивали хорошее освещение для чтения ночью, а немного неисправная люстра служила для создания праздничной атмосферы.

В задней части оранжереи стоял черный рояль «Бехштейн». Альмен был одаренным, но несколько небрежным пианистом и раньше иногда играл для своих гостей барную музыку. Он и теперь время от времени импровизировал сам для себя – ради того, чтобы снять напряжение дня.

Альмен сел в кресло для чтения и достал из кармана письмо. Карлос придвинул приставной столик в пределы досягаемости Альмена и поставил на него аперитив: шерри.

На конверте красовался герб Королевства Марокко и росчерк его генерального консульства. Адрес получателя был написан чернильной авторучкой. Альмен вскрыл конверт и извлек письмо.

Той же ручкой на листе было написано: «12455 – включая проценты. Последний срок – среда!! Иначе...!!!»

Подписано: «Х. Дериг».

Альмен почувствовал стеснение в груди, какое у него возникало при внезапных неприятностях. Он поменял местами письмо и шерри на приставном столике и сделал глоток. Дериг все правильно просчитал. Альмен действительно из принципа никогда не открывал писем, в которых предполагал что-нибудь неприятное. Тем самым он берег свое спокойствие, которое считал необходимым в своей ситуации.

Он никак не мог ожидать от неотесанного Дерига этого трюка с генеральным консульством Марокко. Откуда у него вообще взялась эта почтовая бумага на фирменном бланке?

Альмен отпил еще один глоток шерри и попытался вытеснить мысли о Дериге. Этот человек был самым неприятным его кредитором. Агрессивный, возможно даже способный к насилию. Крупный торговец антиквариатом с Нагорья. У него были целые ангары, полные товара, который он продавал розничным торговцам, зачастую без всякого бухгалтерского учета. Альмен знал его с прежних времен. Не раз обнаруживал в хаотических складских завалах Дерига, среди грубо сколоченной деревенской мебели, запыленной конской упряжи и источенных червями самопрялок красивые коллекционные вещи. В те времена, когда Альмен еще собирал свою коллекцию, он был постоянным покупателем Дерига. Желанным клиентом, поскольку не раз случалось так, что он платил больше, чем Деринг запрашивал. Не из симпатии к тому, а для того, чтобы его нельзя было заподозрить в том, что он гоняется за дармовщинкой. Альмен презирал дармовщинку. Она была ниже его достоинства, и он полагал, что она ниже достоинства всякого человека. Вещи должны стоить столько, сколько заслуживают, все остальное просто подло.

Именно этой позиции он был обязан тем, что Дериг начал записывать ему в кредит. Долгое время держался Альмен на поверхности за счет того, что продавал отдельные предметы из своей коллекции. Когда же коллекция сократилась до самого незаменимого – того, с чем невозможно расстаться – из практических ли соображений или по сентиментальным

причинам, – он начал покупать предметы подешевле и перепродавать их с выгодой для себя. Настало и такое время, когда он больше не мог позволить себе презирать «дармовщину»: в его ситуации уже не приходилось быть разборчивым. К его поставщикам принадлежал и Дериг, и так накопился этот долг. Дважды он напоминал об этом Альмену лично, а когда Альмен перестал у него появляться, присылал пару раз письма, так и не распечатанные. И вот теперь это письмо с угрозой.

Альмен допил шерри, откинулся головой на спинку кресла и уставился в потолок. Морозящий дождик усилился до упорного затяжного дождя, который струился по стеклянной крыше беспокойными разводами.

В уголке рамы соединение было неплотным, и образовалась протечка. Надо будет сказать об этом Карлосу. Он тогда отметит мокрое место на полу клейкой лентой, а позднее – посуху – залепит протечку замазкой. Одна из множества обязанностей Карлоса.

Вот он позвал Альмена обедать. Карлос настаивал на пунктуальности, поскольку, когда часы пробьют два, он обязан будет вернуться к оплачиваемой работе в качестве садовника и домоправителя при основной вилле.

В течение всего обеда он прислуживал Альмену, хотя Альмен уже не раз требовал, чтобы тот садился за стол и обедал вместе с ним. Карлос упорствовал и сам всегда обедал в кухне.

После того, как со стола было убрано, а посуда сгружена штабелем в раковину, Альмен услышал, как Карлос поднимается к себе в мансарду по лестнице. Вскоре тот снова вышел в своей одежде для работы в саду и в дождевой накидке и спросил:

– Что-нибудь еще, дон Джон?

– Нет, спасибо, Карлос, – ответил Альмен.

Карлос пожелал ему счастливого дня, еще раз зашел в библиотеку и пометил на полу мокрое место, про которое Альмен давно забыл.

7

После обеда Альмен имел обыкновение ложиться на полчаса. Эта маленькая сиеста не только освежала его, она каждый день позволяла ему осознать привилегию быть человеком без определенных занятий. Спать, когда вся страна предается полезной деятельности, – это давало ему долгие годы чувство счастья, знакомое остальным разве что по школьным прогулам. Он называл это теперь «прогуливать жизнь».

В этом было нечто деликатесное: отделиться занавесом от наружной суеты, заползти в нижнем белье под прохладное пуховое одеяло и с полузакрытыми глазами слушать далекие шорохи мира. Чтобы вскоре очнуться – удивленным и ожившим.

Его спальня была почти целиком заполнена огромной кроватью, книжной полкой для ночного чтения и двумя платяными шкафами для соответствующей сезону части его гардероба – остальное хранилось в помещении прачечной.

Он лежал в постели, рядом с ним покоилась книжка в мягкой обложке – на тот маловероятный случай, если он не мог заснуть. Дождь тихо стучал в окно, во всем остальном наружный мир вел себя беззвучно.

Ему не вполне удалось вытеснить из своего сознания письмо Дерига. Не из-за 12455 франков, которые он уж как-нибудь собрал бы. Его беспокоило другое: качество выставленного требования.

Насколько плохо Альмен умел обращаться с деньгами, настолько же хорошо он владел наукой обхождения с долгами. Этому он научился в свое время в школе Чартерхаус, эксклюзивном пансионе в графстве Суррей, куда отец отправил его в четырнадцать лет, следуя желанию сына. Альмену хотелось убежать от спертой крестьянско-нуворишской вони, как он это называл, своей семьи.

В Чартерхаусе обращение с долгами входило в состав неофициальной части образования. Сами по себе долги не являлись чем-то позорящим честь. Напротив, репутация даже требовала того, чтобы человек имел долги. Школьный порядок из педагогических соображений лимитировал карманные деньги учеников, что приводило к оживленному хождению денежных займов. Долгами хвастались, любовались теми, у кого их было больше всего, пролонгировали их, выплачивали в рассрочку, но выплачивали всегда с элегантностью и неприужденностью.

Этого же Альмен придерживался и в своей дальнейшей жизни. Доходов от наследства с самого начала их поступлений было недостаточно для его растущих потребностей, и доверенное лицо его умершего отца вскоре нервно капитулировало, отказавшись вести его дела. После него последовала целая череда самозванных консультантов, советы которых увеличивали не доходы Альмена, а лишь его потребность в деньгах. Вскоре он вынужден был финансировать свой жизненный стандарт и свои новоприобретенные вещи – наряду с виллой Шварцаккер сюда входили квартиры в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Риме и Барселоне – тем, что расставался с менее броским, но более солидным имуществом, оставшимся ему от отца. А когда и этот запас подошел к концу, он финансировал себя – в большинстве случаев опрометчиво – продажей тех самых новоприобретений. Вначале – недвижимости, затем мебели, затем объектов из коллекции, потом постепенно все больше сокращая насущные потребности своей прежней жизни. И, наконец, – продажей объектов того же происхождения, что и упомянутая ваза эпохи Канси.

Будучи еще богатым человеком, Альмен был чрезвычайно великодушным кредитором. И теперь, в роли должника, он ожидал того же терпения и великодушия от своих кредиторов. Поначалу его надежды на это оправдывались, его прежняя репутация и кредитоспособность обладали долгим последствием. Когда-то у него не было долгов. Он имел положение в

обществе, ему многие были обязаны, у него было положительное сальдо, незавершенные сделки. Кредиторы и должники проявляли друг к другу уважение, какое оказывают тем, от кого находятся в зависимости.

Поэтому письмо Дерига представляло собой некое новое измерение. Это был грубый и вульгарный взрыв ярости человека, готового к насилию – представителя вида, с которым Альмену доселе не приходилось сталкиваться. Альмен презирал любую форму насилия. В том числе и вербальную.

Он был не на шутку встревожен. Но к тому моменту, когда полчаса спустя он проснулся после своей сиесты, как обычно удивленный и освеженный, эта тревога превратилась во что-то тихое и далекое.

8

Основатели виллы Шварцаккер, которая тогда еще называлась вилла Одеон, использовали оранжерею для разведения декоративных и полезных растений и для зимовки растений – пальм в кадках и других садовых украшений, не приспособленных к зимним холодам. Предыдущий владелец довел оранжерею до запустения и превратил в нечто вроде сарая и чулана. Но когда вилла перешла к Альмену, он распорядился восстановить ее, поскольку разводил орхидеи. Вернее сказать: велел их разводить.

Пристрастился он к этому, когда гостил в колониальной вилле своего друга в Гватемале. На всех столах, комодах, приспособлениях, во всех стенных нишах и на всех выступах стояли они, всегда свежие, часто оглушительно благоухающие – это неправда, что орхидеи не пахнут, – всех раскрасок и размеров.

Оказалось, что садовник Карлос был не просто садовником, а специалистом по орхидеям, он ухаживал за ними, размножал их и заботился о том, чтобы ко времени своего цветения они попадали в виллу, а после цветения – снова в оранжерею.

Когда Карлос впервые увидел оранжерею виллы Шварцаккер, он сказал в своей официальной манере:

– Дон Джон, это предложение, не более того.

Так вилла Шварцаккер стала во времена Альмена знаменита своими орхидеями.

Но затем ему пришлось прекратить свое коллекционирование, как и отказаться от виллы. Тем не менее Альмен получил выгоду от восстановления оранжереи. В первую очередь от установления современного газового отопления. Благодаря которому просторное, плохо изолированное помещение стало уютным и зимой. Шведская печь, перед которой сейчас сидел Альмен, была роскошью. А роскошь – одна из больших слабостей Альмена.

Сделкой по дому садовника он гордился. Когда ему пришлось продавать, в конце концов, и виллу Шварцаккер – так он ее назвал в честь того пахотного участка, что когда-то заложил фундамент его состояния, полученного в наследство, – в голову ему пришла мысль сделать заинтересованному покупателю скидку, чтобы тот согласился сохранить за ним пожизненное право проживания здесь. На это согласились несколько потенциальных покупателей, но скидку он сделал фирме по доверительному управлению, потому что ему нравилась мысль, что ночами и в выходные он будет здесь один. И еще потому, что глава фирмы был согласен передать ему большую часть книжных стеллажей из библиотеки. Тот был рад освобождению дополнительных стен для своих сменных выставок, которые его фирма устраивала для имеющих и потенциальных клиентов в рамках событийного маркетинга.

Альмен почти дочитал книжку в мягкой обложке. То был новый детектив подобрешего с возрастом великого Элмора Леонарда. История, которая состояла почти из одних диалогов и не содержала сцен насилия, характерных для его ранних произведений.

Альмен был страстным читателем. Он стал им сразу, как только начал читать. Он быстро заметил, что чтение – это самый простой, действенный и самый красивый способ отвязаться от своего окружения. Его отец, которого он никогда не видел с книгой в руках, проявлял большое уважение к этой страсти своего сына. Он всегда принимал чтение в качестве извинения за многие неисполненные обязанности своего отпрыска. И мать Альмена, постоянно хворающая и рано умершая кроткая женщина, о которой у сына сохранились лишь смутные воспоминания, принимала все извинения, какие принимал ее муж.

И поныне Альмен читал все, что подворачивалось ему под руку. Мировую классику, новинки, биографии, путеводители, рекламные проспекты, инструкции по применению. Он

был постоянным клиентом многих букинистических магазинов, и уже не раз случалось, что он останавливал такси у помойки и забирал оттуда пару-тройку книг.

Альмен всегда дочитывал книгу, которую начал, до конца, даже если она была плохая. Он делал это не из уважения к автору, а из любопытства. Он верил, что в каждой книге есть тайна, даже если это ответ на вопрос, зачем она была написана. Он должен был разгадать эту тайну. Строго говоря, у Альмена было пристрастие не к чтению, у него было пристрастие к тайнам.

Это свойство сделало его не только постоянным читателем. Ему он был обязан также своей любовью к сплетням. Правда, это была пассивная любовь. Он охотно слушал сплетни, но ему бы никогда не пришло в голову распространять их самому. Альмен был парадоксальным вариантом тактичной тетки-сплетницы.

Из нескольких маленьких, закрепленных на книжном стеллаже динамиков звучала *Богема* Пуччини в записи с Марией Каллас и Ди Стефано. Хайтек-система Hi-Fi стояла у Альмена в списке предметов первой необходимости, который он в последнее время все чаще вынужден был сокращать. Он не думал, что судебные исполнители в случае описания имущества будут милостиво считаться с этим списком, но твердо положил себе не доводить дело до банкротства.

Стеллажи стояли вдоль стеклянных стен не сплошняком, в нескольких местах Альмен оставил между секциями интервалы шириной метра в два-три, чтобы и сбоку проникало немного света, а вид в красивый сад не был перекрыт полностью. Эти промежутки можно было задернуть шторами, что он сейчас и сделал. Вторая половина дня казалась еще более неприветливой, поднялся ветер, срывал с платанов листья и хлестал в стеклянный фасад потоками дождя. Если погода не улучшится, надо будет завтра попросить Карлоса растопить шведскую печь.

В редком порыве самостоятельности он пошел на кухню и собственноручно приготовил себе чашку чая.

9

Абонемент на оперные премьеры тоже входил в альменский список предметов жизненной необходимости. Только человека, который больше не может себе это позволить, действительно можно считать потерпевшим крушение.

Еще при жизни отца Альмен уже обладал двумя желанными местами в середине партера, в пятом ряду. Отец тогда безропотно инвестировал в это ежегодно свыше четырех тысяч франков, поскольку они проходили по статье расходов на образование сына. Однажды он даже сопровождал сына на премьеру *«Вошебной флейты»*, но вскоре после увертюры ему пришлось покинуть свое место из-за жестокого приступа кашля.

С тех пор два эти места удвоили свою стоимость, но по-прежнему были записаны на имя Йоханна Фридриха ф. Альмена. Правда, с начала этого сезона он переуступил одно из двух мест. Человек из обширного круга его знакомых, Серж Лаубер, инвестиционный банкир, передал ему на руки шесть тысяч франков наличными. Это было предложение, от которого Альмену в его ситуации было трудно отказаться, ведь оно финансировало ему половину его собственного абонемента. Которую он, кстати, задолжал опере с начала сезона, хотя ему никто об этом не напоминал. С такими многолетними абонентами и щедрыми бывшими спонсорами полагалось проявлять терпение.

Вечером этого сырого осеннего дня должна была состояться премьера *«Мадам Баттерфляй»* Пуччини. Альмен уже предвкушал удовольствие оперного вечера, который он, как всегда, собирался начать аперитивом в «Гольден-баре» и завершить поздним ужином с небольшим меню на Променаде.

На нем был осенний темный костюм от его английского портного, давно оставленного в забвении, и темно-синий, почти без рисунка, галстук под кашемировое пальто дымчато-синего цвета – от его римского портного, также давно заброшенного.

Господин Арнольд в знак приветствия взял у него зонт и открыл дверцу своего «Кадиллака-флитвуд» 1978 года. Альмен был постоянным клиентом господина Арнольда. У того было два такси – «Мерседес-дизель» и этот поблескивающий хромом черный американский лимузин, который он выводил из гаража для таких любителей, как Альмен. А еще он работал для таких клиентов по счету, который выписывался раз в месяц. То, что Альмен в последнее время расплачивался очень уж неаккуратно, он приписывал административным причинам. Человек, ведущий такой образ жизни, не может иметь денежных проблем.

Альмен откинулся на кожаную спинку заднего сиденья цвета красного вина и наслаждался короткой поездкой от квартала вилл до центра города. Господин Арнольд, компактный, рассудительный человек лет шестидесяти, принадлежал к тем таксистам, которые говорят, только если их спросят. Он не обременял пассажиров своими политическими, мировоззренческими взглядами или автодорожными историями. Это Альмен ценил едва ли не выше, чем любовно ухоженный интерьер дорогого авто.

Они медленно скользили по мокро блестящему слою из красных тормозных огней, белых огней фар и уличных фонарей. Мимо освещенных витрин спешили тени прохожих и их зонтов. Самым громким звуком внутри машины были короткие перебои в работе одного из стеклоочистителей всякий раз, когда он возвращался назад.

– А что, такие «дворники» еще бывают в продаже? – спросил Альмен, чтобы поездка проходила не совсем уж в полном молчании.

– Нет. Приходится самому вырезать вручную. И если резина попадется слишком твердая или если полоска слишком узкая, происходит вот такое. Вас это раздражает?

– Совершенно не раздражает, – заверил Альмен.

– А меня таки да. Это почти сводит меня с ума. – Господин Арнольд испуганно замолчал после своего неожиданного откровения.

Альмен еще дважды подтвердил, что ему, пассажиру, это действительно не досаждало, и его вопрос был чисто технической природы.

Вскоре после этого машина остановилась перед «Гольден-баром». Альмен поставил свою подпись на квитанции за поездку, дал Арнольду хорошие чаевые, и тот проводил его под своим зонтом через тротуар ко входу.

10

«Гольден-бар» возвели в шестидесятые годы в полном соответствии со своим названием – с обильным применением золота. Полки для бутылок покоились на золотых полосах, бар и высокие табуреты были окаймлены золотым, зеркала и картины висели в золоченых рамах, пепельницы и вазочки для снеков – позолоченные, потолок и стены оклеены золотой фольгой. Дым и время приглушили блеск этого золотого избытка и затемнили его, придав заведению теперешнюю солидность.

Альмен был завсегдатаем этого бара. Бармен, вошедший в года испанец с более чем сорокалетним опытом и целой галереей таких же потемневших латунных памятных медалей, выигранных в международных барменских состязаниях, тотчас при появлении Альмена начал отмерять в шейкер с помятыми боками и кусочками льда внутри текилу, ликер «куантро» и лимонный сок.

Перед началом оперного спектакля Альмен всегда выпивал два коктейля «Маргарита». Они приводили его в полное ожидания, счастливое и снисходительное настроение. Он сел на высокий табурет и кивнул бармену. Тот с улыбкой кивнул в ответ, обернул шейкер салфеткой, чтобы защитить руки от холода, и принялся встряхивать его. В том непостижимом ритме, который и составлял половину тайны его легендарного коктейля.

Бар был полон. Люди, зашедшие сюда после работы, в бизнес-костюмах, и первые посетители премьеры. Некоторых из них Альмен знал в лицо и кивал им. Его премьерного субарендатора, Сержа Лаубера, не было видно. Обычно они встречались здесь и потом вместе шли в оперу через дорогу. Но случалось, что тот опаздывал, и тогда они встречались уже на своих местах.

Состарившийся на службе барный пианист играл *Where and When*, как всегда, когда Альмен сидел в баре. И, как всегда, Альмен послал ему стакан домашнего вина, который старик, не прерывая игру, заговорщицки поднял за его здоровье.

Бармен принес свежий теплый миндаль и вторую «Маргариту». Альмен не упускал из вида входную дверь. Посетители, входившие сейчас, были несколько запыхавшимися, и с их зонтов капало. Альмен с досадой подумал, что надо было, как когда-то в прежние времена, попросить господина Арнольда подождать. Проклятая экономность.

Он уже подписал счет и положил чаевые для бармена на позолоченный поднос, когда в бар вошла женщина. На ней было зеленое норковое манто длиной до середины икр, платиновые волосы острижены под пажа, на губах – вишневая помада, а на глазах – черные очки от солнца, которые она теперь, в сумрачном баре, приподняла и осмотрелась, ища кого-то. Неожиданно она улыбнулась и шагнула к Альмену.

– Должно быть, вы Джон, – сказала она, протягивая ему руку. – А я Жоэль. Большинство говорит Жожо.

Альмен сполз с барного табурета и держал в своей ладони сильную руку в зеленой перчатке. Он был уверен, что никогда не видел эту женщину.

– Идемте, нам уже пора, – сказала Жоэль.

Должно быть, вид у Альмена был растерянный, потому что она рассмеялась.

– Ах, извините, у меня билет Сержа, он сегодня не может прийти.

Альмен взял свое пальто и последовал за женщиной. Перед баром ее поджидал молодой человек с зонтом. Он проводил сначала ее, а потом его сквозь теперь уже проливной дождь к лимузину «Мерседес», припаркованному наполовину на тротуаре – с включенной аварийной сигнализацией.

Во время короткой поездки до Оперы Жоэль пила виски со льдом из холодильного ящика, вделанного в спинку заднего сиденья, и курила сигарету. Альмен отказался и от того,

и от другого. Ей хватило времени, чтобы рассказать, что она живет в Нью-Йорке, но сейчас приехала в гости к своему отцу. Он выхаживает ее после ее омерзительного развода.

11

Когда у гардероба Альмен помог своей спутнице снять мантию, оказалось, что она в честь мадам Баттерфляй одета в кимоно.

– О, кимоно, – вырвалось у него, и он обыскал взглядом пол в поисках люка, куда бы ему можно было провалиться сквозь землю.

– Как раз в тему, – просияла Жозель и сделала маленький пируэт.

Альмена спас гонг.

Ей было ближе к сорока, чем к тридцати, не особенно красивая женщина, но она наловчилась это скрывать. Челка, слегка начесанная у корней, падала до самой переносицы, прикрывая ее низкий лоб. Маленькие, близко посаженные, но чудесного изумрудно-зеленого цвета глаза были увеличены размашистой линией подводки для век. У нее была красивая мальчишеская фигура, и двигалась она – даже в давке устремившихся к своим местам зрителей – с грацией танцовщицы.

Уже во время увертюры ее ладонь легла на колено Альмена. В первом акте она добралась до его ширины.

12

Жоко храпела. Она лежала на спине в своей гигантской кровати, и из ее полуоткрытых, уже не таких вишневых губ вырывались эти не очень дамские шумы.

Не то чтобы ей это совсем не подходило, думал Альмен. В ходе вечера она проявила себя не по-дамски во всех смыслах слова. Еще никогда в жизни – а его жизнь в этом отношении была бурной – женщина не набрасывалась на него с такой ненасытностью, как эта платиновая блондинка из Оперы. На заднем сиденье лимузина, под взглядом шофера в зеркале заднего вида, ему еще как-то удавалось отбиваться от атак Жоко. Но когда они вошли в холл большой виллы на берегу озера, он безропотно дал ей утащить себя вверх по широкой лестнице и затем в спальню, какие бывают у примадонн, как добычу львицы.

Там она раздела одновременно себя и его, бросилась с ним на кровать, заглотила его и отдавалась ему с доселе неведомой ему необузданностью.

Сразу после этого она впала в беспамятство сна и вскоре начала храпеть.

Альмен лежал, опершись на правый локоть, и разглядывал ее. И хотя свет был приглушен розовым абажуром, он отмечал теперь следы жизни с избытком солнца, с нехваткой сна, с избытком удовольствий и недостатком любви. Он чувствовал, что с ним происходит то же, что всегда происходило в таких ситуациях: симпатия, на которую он себя уговорил и без которой не мог очутиться с женщиной в одной постели, куда-то испарилась. Он разглядывал эту постороннюю женщину рядом с собой без малейшей нежности. И на сей раз вышло даже хуже, чем всегда: он чувствовал себя использованным и злился за это на нее.

Он встал и пустился на поиски туалета.

13

В спальне было две двери. Через одну они вошли, тогда вторая, должно быть, вела в ванную. Он открыл ее, нашел выключатель и включил свет.

Он стоял в большой ванной комнате из черного мрамора с умывальным столом на две раковины, стеклянной душевой кабинкой, старомодной джакузи в форме почки и еще двумя дверями. Умывальный стол был завален косметикой, зеркальные шкафчики стояли нараспашку, в них царил хаос из тюбиков, баночек, бутылочек, коробочек и упаковок с медикаментами.

На ванном табурете подле душа лежало мокрое черное махровое полотенце, в джакузи валялось еще одно, на краю ванны висели предметы нижнего белья и одежды. Туалета он здесь не обнаружил. Должно быть, тот скрывался за одной из следующих дверей.

Альмен открыл первую наугад. Она лишь наполовину приоткрылась, упершись в какую-то мебель, которая ей мешала. Он включил свет и протиснулся в комнату мимо заправшего вход шкафа-витрины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.